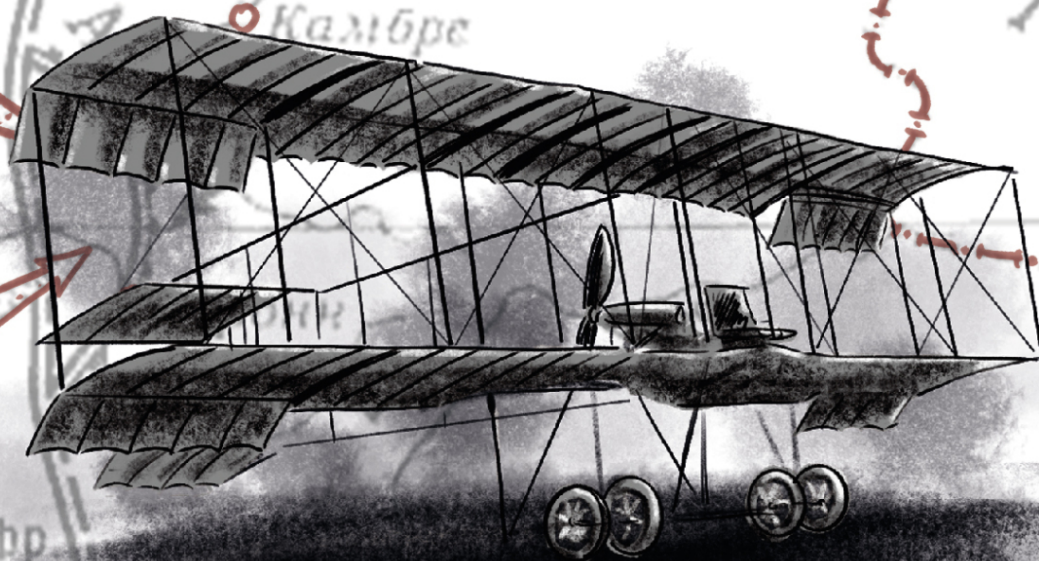

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ

НА ЗАРЕ АВИАЦИИ

ПОПАДАНЕЦ ВО ВРЕМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Воздухоплаватель

Юрий Корчевский
**Воздухоплаватель.
На заре авиации**

«Феникс»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

Воздухоплаватель. На заре авиации / Ю. Г. Корчевский —
«Феникс», 2018 — (Воздухоплаватель)

ISBN 978-5-222-39150-1

Андрей Киреев, офицер Российской армии, после автомобильной аварии попадает в прошлое, накануне Первой мировой войны. Он проходит обучение в Гатчинской школе военных пилотов и отправляется служить в летный отряд крепости Осовец. Боевая авиация делает свои первые робкие шаги. Хрупким этажеркам с ненадежными двигателями только предстоит стать одним из самых разрушительных родов войск. Одиночные воздушные перестрелки из пистолетов «благородных рыцарей неба» быстро сменяются ожесточенными боями десятков аэропланов с применением бомб и скорострельных пулеметов, резко возрастут мощности моторов и скорость самолетов. Андрей усиленно тренируется, осваивая фигуры высшего пилотажа – те приемы, которые будут придуманы только через несколько лет кровавой бойни. Сумеет ли молодой офицер переломить ход событий, переиграть проигранную войну?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-39150-1

© Корчевский Ю. Г., 2018
© Феникс, 2018

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Григорьевич Корчевский

Воздухоплаватель. На заре авиации

© Корчевский Ю.Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Корректировщик

Проклятый дождь! Струи так и хлестали по лобовому стеклу, дворники не успевали смахивать воду. Андрей торопился. Осознавал – скорость велика, опасно, стоит возникнуть аквапланированию, и с шоссе можно улететь, как при гололеде. Если бы не на службу, сбросил скорость. Однако после позорного ухода недоброй памяти Сердюкова и появления Шойгу порядки в армии стали строже. Сам Андрей такие перемены полностью приветствовал. Армия с колен поднялась, перевооружилась, денежное довольствие возросло. За пять лет, что служить довелось после окончания артиллерийского училища, армия явно изменилась в лучшую сторону. А недавно в звании повысили до старшего лейтенанта, с друзьями-приятелями обмывал, как еще с царских времен повелось среди офицерства. Звездочки в стакан с водкой, надо выпить и звездочки зубами поймать.

Ныне же проверяющие приехали, и черт их дернул в такую погоду устроить учебную тревогу. Ну как же, согласно уставу. Воин должен стойко переносить тяготы службы.

Впереди идущий «жигуль» резко затормозил. Андрей ударил ногой по педали тормоза. Несмотря на всякие прибабасы вроде АБС, машину занесло, она пошла юзом. Андрей попытался скорректировать занос рулем, но не успел. Машина свалилась в кювет, перевернулась. Бац! Скрежет железа, звон стекла. Аварию видели, машины осторожно тормозили, съезжали на обочину, включая аварийки. Кто-то в ГАИ звонил, другие в «Скорую помощь». Подбежавшие к перевернутой машине первыми удивленно заглядывали в салон. Колеса еще крутятся, а в кабине никого. Кто-то сообразил.

– Его из машины выбросило, видимо, не пристегнут был. И машиной придавило. Парни, надо переворачивать машину, может, еще жив.

Уговаривать никого не пришлось. В таких ситуациях счет не на минуты, на секунды идет. Облепили, под дружное «и раз!» – поднатужились, машину на колеса поставили. Так и под машиной тела нет! Убежать, даже в шоке, водитель не мог, иначе бы увидели, у всех на глазах происшествие случилось. Но и объяснить исчезновение никто не мог. Махнули рукой. Есть ГАИ, есть полиция, пусть разбираются, им за это деньги платят.

Очнулся Андрей в избе. Из небольшого окна солнце бьет, как будто и не было дождя. Стал припоминать, – как он сюда попал и где он. Ехал на машине утром, дождь хлестал, потом занесло – это помнил. А дальше провал в памяти. Наверное, сотрясение мозга. Слышал от кого-то или читал, что бывают провалы в памяти после черепно-мозговых травм. Присел на топчане, согнул руки-ноги, к себе прислушался. Нигде не болит, все сгибается-разгибается. Легко отделался! Хлопнула дверь, вошел боец.

– Доброе утро, ваш бродь!

Это еще что за приветствие?! Видел как-то в кино, сокращают так от «ваше благородие». А какое он благородие, если отец и дед инженерами были, голубых кровей в роду отродясь никого? Промолчать решил. Поднялся с топчана. На стене, на гвоздике, деревянные плечики и мундир старшего лейтенанта, три маленькие звездочки на каждом погоне. Однако китель похож, да не так пошит.

Боец повернулся всем телом к Андрею. Оп! А гимнастерка на нем старорежимная. На фото деда в такой видел. Опять смолчал, надо разобраться, чтобы посмешищем не стать.

Боец спросил:

– Господин поручик! Вам чай, как всегда, покрепче?

– Как всегда, – кивнул Андрей.

Какой-то сумасшедший дом. Чего боец несет про поручика? Такие звания в царской армии в начале двадцатого века были. Боец вышел. Андрей брюки галифе надел, китель. Все впору пришлось, как будто на него пошито. И сапоги его размера. Андрей руку во внутренний карман опустил, нащупал документ, вытащил, развернул. «Поручик Андрей Киреев, должность, каллиграфическим почерком, – командир батареи третьей гренадерской артиллерийской бригады отдельного гренадерского корпуса». Печать, подпись – начальник артиллерии Гаитенов, генерал-лейтенант. И даже не это поразило, а год – 1910-й! Век с лишком тому назад. В душе зрел протест. Какого черта! Как он сюда попал, каким образом? Если это чьи-то шутки, пусть вернет его в свое время! Сел, остыл немного. Понял: если этот «кто-то» существует, так это только сам Господь. Никому другому это не под силу, и возмущаться бесполезно, надо принять как данность. Хорошо еще, что он в своей стране, а не где-нибудь в Африке или Америке, будь она неладна! А потому жалобу или претензию писать некому, надо служить. Вступая в ряды вооруженных сил, он присягал России. Что изменилось, кроме другого года и века? И еще вместо президента – царь Николай II. Военные знания пригодятся, страна почти все время с кем-то воюет. Пять лет назад с Японией, а через четыре года предстоит схлестнуться с немцами. И победили бы, не было бы постыдного Брестского мира, кабы не большевики с их разлагающими народ речами.

В Российской империи на девяносто процентов население сельское. И в армии соотношение такое же. Из крестьян хорошие солдаты получаются. Сильные, выносливые, способные упорно обороняться, довольствуясь малым. Призыву в армию подлежали все лица мужского пола с 21 года, на 5 лет, кроме инородцев из Закавказья, Северного Кавказа, княжества Финляндского, а также территорий казачьих войск. Не подлежали призыву врачи и священнослужители. Призыв осуществлялся один раз в год, начинался 15 октября, когда уже собран урожай. В год призывалось 300–350 тысяч новобранцев, а всего армия империи насчитывала 1 066 894 нижних чина, 41 709 офицеров и 9931 военного чиновника.

Крестьяне – солдаты надежные, но легковверные, как многие селяне, чем и воспользовались большевики. Наобещали народу землю, а рабочим заводы. Поверил народ болтунам, пошел за большевиками. Обманул Ленин и его команда, купившись на посулы Парвуса. Он-то обогатился крепко на русской революции. Сначала Гражданская война началась. Кто смог из людей образованных, страну покинул, иных литовцы и китайцы да свои на штыки подняли. Много народу полегло. Страну кормить надо, НЭП большевики проводить стали – новую экономическую политику. Снова народ поверил. Предприимчивые люди артели организовывать стали, на селе и в городах. Снова большевики прихлопнули инициативных, сослав в лагеря. По обыкновению, все конфискованное поделили. Крестьян в колхозы согнали, так одна беднота туда согласна была, крепкие хозяйственники раскулачены и в Сибири гниют. Голодомор страну накрыл. Миллионы умерли. А товарищу Сталину мало, репрессии начались. Уже не чужой класс – буржуазию зачищали, а своих, на которых доносы писали свои же товарищи. И опять жертвы. А потом Вторая мировая война, для России Великая Отечественная. Снова миллионы жертв. Построили социализм, так сохранить многострадальную страну большевики-коммунисты не смогли, развалили, растащили.

Андрей историю и в школе проходил, правда, поверхностно, и в военном училище, уже осознанно. Потому считал большевизм злом для страны. Страна с 1914 года воевать начала, не очень подготовлена к войне была, но вступила. Понемногу войска победы одерживать стали, немцев теснить. Один Брусиловский прорыв чего стоит! А большевики хуже пятой колонны подрывную деятельность вести стали – в тылу, в армии. Тезис выдвигали: жертвы в одной стране – это ничто, ибо поднимется пролетариат в других странах и уничтожит буржуазию, и наступит всеобщее благоденствие. Не поднялся пролетариат в других странах, поскольку не так плохо жил. А руку на сердце положи, не так плохо и на Руси жилось.

Например, белый батон стоил 7 копеек, а буханка ржаного – 3 копейки, сахарный песок 25 коп. за кг, сыр российского производства – 70 коп. за кг, масло сливочное – 1 р. 20 коп., яйца – 25 коп. десяток, икра черная – 1 р. 80 коп. за кг, свинина (шейка) – 30 коп. за кг. Из одежды если взять: рубаха – 3 рубля, костюм – 8 руб., пальто – 15 руб., сапоги – 5 руб., гармонь – 7 р. 50 коп. Офицерская форма, сапоги парадные – 20 руб.; мундир – 70 руб., фуражка – 3 руб., сабля – 15 руб., револьвер – 9 руб.

Зарплата чернорабочего составляла 25–35 руб. в месяц, токарь или слесарь получал 80 руб., врач – 80 руб., учитель в гимназии – 100 руб., депутат Государственной думы – 350 руб. Денежное довольствие офицеров складывалось из жалования, столовых денег и квартирных. Полковник получал 1200 руб. жалования, столовых 600 руб., капитан – жалования 900 руб., столовых 310 руб., квартирных 480 руб. Поручик – 720 руб. жалования, столовых не получал, квартирных 270 руб. В гвардейских частях офицеры получали на ступень выше, чем в армии. Кроме того, гвардейским офицерам один раз в год выплачивалось пособие в половину годового денежного содержания из личной казны императора. Надо сказать, что в гвардии почти все офицеры были дворянского происхождения.

Рубль российский ценился не в пример нынешнему, и стоил один рубль два американских доллара в 1913 году, ценился на мировом рынке, и никто «деревянным» его не называл.

Остальные служили, как тогда говорили, по поговорке: «Красивый служит в кавалерии, умный – в артиллерии, пьяница – во флоте, а дурак – в пехоте». В гвардии особое положение занимали Преображенский и Семеновский полки, а в армии элита – конная артиллерия, ибо была еще крепостная. Офицер-артиллерист точные науки знать должен, считать быстро, если в цель попасть хотел, а топографические карты читать как «Отче наш».

Приняв решение, Андрей решил выждать, ничего не предпринимать. Принимают его за другого – это их проблемы. Даже занятно стало: неужели он лицом, манерами и голосом похож на настоящего поручика? А еще вопрос: а где настоящий поручик?

В избу вошел вестовой, на подносе стакан чая в подстаканнике, парок вьется. На тарелочке ситный порезан и масленка рядом, а еще несколько кусочков колотого сахара. Вестовой поднос на стол поставил, вытянулся.

– Спасибо, братец, свободен.

Про обращение «братец» читал в мемуарах, потому применил. Вестовой не удивился, вышел. Подкрепиться не помешает. Андрей два куса сахара в стакан с чаем бросил, ножом масло на ситный намазал. Белый хлеб пахнет вкусно. Не удержался Андрей, откусил. Хм, такого хлеба и масла он еще не ел. Настоящее, без всякой дряни, вроде пальмового масла, запах и вкус великолепные. Даже обидно за страну стало, кучка мошенников-производителей всех граждан страны псевдопродуктами кормят и при этом властью обласканы, уважаемые бизнесмены. А место бы им в тюрьме, по заслугам.

Поев, опоясавшись ремнем. В желтой кожаной кобуре револьвер, какой видел только в музее. Вытащил, полюбовался, барабан покрутил, в кобуру вернул. В Российской империи офицеру было положено иметь самовзводный револьвер Наган, так называемый офицерский вариант. Был еще более дешевый, без самовзвода, для нижних чинов, кому винтовка мешает, например, артиллерийской службе или «шофферам» броневику. Писалось именно так, с двумя «ф». Не возбранялось купить офицерам личное оружие из списка Арткомитета – Кольт, Браунинг, Маузер С-96 или Парабеллум. Оружие отбиралось после испытаний. Только вышел из избы, навстречу подпоручик. Козырнул Андрею.

– На сегодняшних учениях нам предстоит на воздушном шаре подняться. Как настроение?

Подпоручик Андрея явно знал. На погонах у него две маленькие звездочки, по-современному лейтенанту соответствует.

На позициях артиллерийской бригады в самом деле был виден воздушный шар. Андрей не знал, куда идти, и один явно бы заблудился, а сейчас держался рядом с подпоручиком. Вот и батарея, пушки в капонирах в ряд, возле них при виде Андрея и подпоручика солдаты забежали, выстроились в шеренгу. Каждый расчет у своей трехдюймовки образца 1902 года, Путиловского завода. Орудие знаменитое, пройдет две мировые войны и кучу войн поменьше – Гражданскую, финскую и прочие. Понемногу усовершенствоваться будет, обзаведется щитом. Но в целом конструкция удачная.

Завидев офицеров, фельдфебель закричал:

– Смирно!

А сам рысью к офицерам. Остановившись, вытянулся во фронт, что называется, ел офицеров глазами.

– Господин поручик! Вверенная вам батарея построена. Личный состав здоров, материальная часть исправна. Докладывает дежурный по батарее фельдфебель Гушин!

– Вольно! – сказал Андрей.

Фельдфебель тут же продублировал, зычно крикнул:

– Вольно! Разойдись! Приступить к чистке!

У Гушина на ремне справа револьвер в кобуре, а слева артиллерийский палаш. Холодное оружие больше дань традициям и уставной форме офицера. Уж коли неприятель на батарею ворвется, палаш не спасет. Пушки – оружие дальнего боя.

В тылу батареи воздушный шар виден, по современной градации – монгольфьер, изобретение французское. Хотя еще неизвестно, опередил их россиянин Крякутной. Подъемная сила создается у монгольфьера теплым воздухом. А еще есть аппараты воздухоплавательные, где внутри оболочки закачивается газ легче воздуха – водород, гелий. Они называются дирижаблями. Большие размерами, с приличной грузоподъемностью, оснащаемые моторами и рулями, представлялись как новинка, за которой будущее. Действительность оказалась суровее. Водород очень огнеопасен, пошла череда пожаров и катастроф. Самые большие и известные из дирижаблей, немецкие «Цеппелины», потерпели несколько катастроф с многочисленными жертвами. И в военных целях тоже оказались несостоятельны. Как воздушная цель – велики, неповоротливы. Стоит самолету противника дать очередь из пулемета зажигательными или трассирующими пулями, как левиафан оказывается поврежден.

Под монгольфьером развели костер, подбрасывая солому. Она давала при сгорании много теплого дыма, и оболочка монгольфьера начала быстро расправляться. Андрею шар не показался средством надежным, но перед подчиненными страх показывать нельзя.

– Господин поручик! Доставить бинокль и карту?

– Непременно!

Через несколько минут фельдфебель принес и бинокль в чехле, и командирскую сумку. Андрей перебросил ремешок через плечо, сумку раскрыл. Через целлулоид видна была топографическая карта. Красным карандашом нанесена точка. Похоже, позиция батареи. И спросить у подпоручика или фельдфебеля нельзя, это как расписаться в собственной тупости. Как это возможно? Командир батареи и не знает, где находится? Нонсенс!

Шар, приняв теплый воздух, приподнялся, стремясь в небо. Но корзина его была привязана тросом к лебедке. Из плетеной из ивы корзины свисала веревочная лестница. По ней взобрался воздухоплаватель в кожаной куртке, кожаных брюках, шлеме и очках наподобие мотоциклетных. За воздухоплателем полез солдат-телефонист. Теперь все поглядывали на Андрея. На веревочной лестнице всего пять перекладин, а лезть неудобно, она раскачивается. Но все же взобрался в корзину. Фельдфебель скомандовал двум солдатам:

– Поднимайте!

Солдаты встали у ручек лебедки, стали вращать. Шар стал подниматься. Андрей на самолетах летал. Но сейчас ощущения другие. Нет гула моторов, ощущения скорости. Чем дальше

от земли, тем меньше звуков, зато открываются великолепные виды: река, лес, деревни. А еще крепость. Андрей открыл командирский планшет. Тогда так назывался вовсе не гаджет, а плоская сумка с несколькими отделениями. Под целлулоидом, прикрывающим от возможного дождя, топографическая карта. Причем качества весьма приличного, оценил ее Андрей. Нашел на карте крепость, сравнил очертания крепостных стен. Ба! Да это же крепость Осовец! Вот куда его занесло! Ныне это не российская территория. До революции в состав Российской империи входили Финляндия, прибалтийские страны, именовавшиеся по-другому – Эстляндия, Курляндия, Лифляндия. А еще Польша, на землях которой и был Осовец. Известен был тем, что во время Первой мировой войны остался там часовой, охранявший огромный склад. Выходы были засыпаны. Часовой и не думал рыть землю или как-то выбираться. Он ждал разводящего. Глаза адаптировались к темноте. Он ел консервы, раз в неделю менял белье на чистое из складских запасов. После окончания войны и революции земли эти отошли к Польше. Старые казематы стали где разрушать, а где восстанавливать. Когда поляки разрыли вход в склад, из темноты раздалось:

– Стой! Кто идет? Пароль!

И затвор винтовки клацнул. А после окончания войны прошло уже... лет. Сначала поляки в испуге разбежались. Старое подземелье, темнота, не иначе привидение. Потом осмелели, вывели на свет часового. Да хоть бы повязку на глаза наложили. От яркого солнечного света ослеп сразу часовой. Поляки героя в СССР вернули, в одной из газет была лишь маленькая заметка. Не советский же человек воинский долг исполнил, а царский часовой, о чем писать? Фамилия героя осталась неизвестна. И провел он в каземате 9 лет.

Уже хорошо, что Андрей с местом определился. Монгольфьер набрал метров триста высоты. Видимость отличная, как говорят летчики, миллион на миллион. А уж с биноклем любые позиции как на ладони. Неожиданно зазвонил полевой телефон, изобретение новомодное, крайне для армии нужное. Солдат-телефонист в трубку забубнил, потом Андрея спросил:

– Запрашивают, господин поручик, готовы ли? Можно огонь открывать?

– Один пристрелочный первому оружию – пли!

Телефонист продублировал в точности. Андрей посмотрел вниз. Одна из пушек шестиорудийной батареи выстрелила. Был виден огонь, а звук долетел до корзины воздушного шара слабым. Направление стрельбы Андрей знал, повернул голову. Секунд через пять показалось облачко разрыва. Небольшой недолет, до цели, которую изображали плетенные из ивы щиты, метров пятьдесят. Для фугасной гранаты далековато. Когда Путиловский завод выпустил свою трехдюймовку, снаряды к ней шли только шрапнельные, вмещающие 260 круглых пуль. Поставлялись шрапнельные снаряды с 22-секундной трубкой. И разлеталась шрапнель по фронту на 50–60 метров, а в глубину до полукилометра. При точном накрытии живой цели один удачно выпущенный снаряд мог уничтожить от пехотной роты до батальона. И реальные примеры были.

Андрей ввел поправки, продиктовал телефонисту. Дав время расчету поправить наводку, скомандовал:

– Первому оружию – выстрел!

На этот раз снаряд угодил в цель точно. Затем по проверенному азимуту и углу возвышения ударила вся батарея. Андрей сам наблюдал в бинокль, как щиты разлетелись от попаданий.

Между тем шар остывать стал и снижаться. Воздухоплаватель принял меры. По периметру корзины висели мешочки с балластом. Воздухоплаватель взял один, развязал горловину и песок высыпал за борт. Ветром его развеяло, подхватило. Таким же образом были развеяны еще три мешочка. Полегчав, шар прекратил снижаться. Андрей залюбовался пейзажами. Поля на квадратики разбиты, дома маленькие, как спичечные коробки, а люди и вовсе муравьишки. Многие птицы ниже монгольфьера пролетают, если близко, то слышен шелест крыльев, свист рассеяемого воздуха.

Телефонист передал указание опускаться.

– Сказали – стрельбы выполнены на отлично, все цели поражены, отбой.

Внизу, на земле, солдаты стали крутить ручки лебедки. Шар пополз вниз, почти достиг земли, коснувшись ее веревочной лестницей. Андрей выбрался первым, его встретил подпоручик:

– Андрей Владимирович, командир бригады пре-много доволен стрельбой батареи и просит прибыть к нему в штаб.

– Отлично! Передайте господам офицерам и нижним чинам мою благодарность.

Где находится штаб бригады, Андрей понятия не имел. Но выкрутился.

– Пусть коней седлают, – распорядился он. – Гуцин, сопровождать будете.

– Сейчас распоряжусь.

Конные батареи в шесть пушек насчитывали пять офицеров, считая командира, двести восемнадцать нижних чинов и сто семьдесят пять лошадей. И одна из лошадей была для командира. Одну пушку везла упряжка из шести лошадей, потому как в походном положении трехдюймовка с передком весила две тысячи триста восемьдесят килограмм. И лошади были строевые, крупные. Большинство лошадей везли зарядные ящики со снарядами, овес для самих лошадей.

Лошадей оседлали быстро. Если бы в свое время Андрей не ездил к деду в деревню и не выводил лошадей в ночное, опозорился бы. А сейчас взлетел в седло, как заправский кавалерист.

Штаб бригады размещался в крепости Осовец. Андрей подсадовал на себя, мог бы и сам догадаться. У кирпичного здания коней принял солдат, повел к коновязи. Офицеры стряхнули с фуражек и мундиров пыль, вошли в штаб. В небольшом зале стояли несколько офицеров.

– Отлично стреляла батарея! – воскликнул штабс-капитан. – Узнаю михайлона!

Михайлонами в СПб. и в армии называли юнкеров, а затем и выпускников Михайловского артиллерийского училища и академии. Офицеры стали подходить как к старому знакомому, хлопали по плечу, открывали портсигары с папиросами, предлагая закурить. Ситуация, на взгляд Андрея, дичайшая. Вроде его здесь все знают давно, а он никого раньше в глаза не видел. Все вместе офицеры спятить не могли, получалось – с ним не ладно. Но ощущал он себя здоровым, в трезвом уме и крепкой памяти.

– Андрей Владимирович, голубчик! А не посетить ли нам прекрасных полячек? – наклонился к уху Андрея штабс-капитан. – Послезавтра убываем, так что в самый раз.

– Куда убываем? – не понял Андрей.

– Да в свой, Московский округ. Вы что, запамятовали, что мы здесь только на учениях? Или понравилось? Так можете прошение написать о переводе. На мой взгляд, захолустье совершенное. Конечно, Коломна, где дислоцируется наша бригада, не Москва, но все же лучше Осовца.

В зал вошли полковник и два подполковника. Штабс-капитан, как старший по званию в зале, сказал:

– Господа офицеры!

Все вытянулись в струнку. Офицерам команда «смирно» не подавалась, все же белая кость.

– Прошу садиться, господа!

Расселись по стульям вдоль стен.

– Господа офицеры, слово предоставляется проверяющему из артиллерийского управления, подполковнику Дичману.

Офицеров с немецкими, французскими и прочими корнями в русской армии было полно еще со времен Петра Великого. И на гражданке тоже хватало. Купцы, промышленники, инженеры. Новой родине служили честно, ревностно. Однако народ зачастую смотрел на иноземцев

с подозрением. А уж как началась Первая мировая война, пошли массовые погромы домов и предприятий, магазинов, принадлежавших немцам. Андрей подозревал, что погромы возникли не стихийно, за ними стояли организаторы. Но это случится позже.

Подполковник подробно разобрал действия артиллерийской бригады. Очень толково говорил, указал на недостатки и возможные пути их исправления. Проверяющие обычно только о недоработках говорят. Единственный, кто вызвал завистливые вздохи и взгляды, был Андрей. К стрельбе его батареи ни одного замечания.

Многие офицеры с опаской отнеслись к корректировке огня с воздушного шара. Он замечен со стороны неприятеля, наверняка подвергается обстрелу из пушек или самолетов, риск для корректировщика велик. Учитывая, что корректировать огонь батареи должен один из самых грамотных офицеров, потеря может сказаться на эффективности поддержки.

Не нагоняй получается, а вполне предметный разбор учений, полезный для офицеров бригады. После официальной части последовал обед. Тут уж командир бригады оказался на высоте. В ресторане при офицерском собрании крепости была заказана гречневая каша с тушеным бараньим боком, жареные белые грибы со сметаной, пирожные эклер с кофе и ликером. Серьезная выпивка на службе не приветствовалась. Разговоры незаметно перешли на Коломну. Бригада перемещаться должна была не своим ходом, а эшелонами. Каждой батарее – свой эшелон, одни лошади сколько теплушек занимают. А что теплушка? У нее вместимость восемь лошадей всего или сорок человек.

Батареи начали отправляться уже через день, в порядке нумерации. В бытность службы Андрея в современной армии были автомашины, тягачи. А сейчас целый табун лошадей. Благо солдаты к сельскому труду привычны и с лошадьми управляются лихо. Но все равно забот было при погрузке много. Андрей покидал Осовец без сожаления, не думал, что через несколько лет снова доведется оказаться в этих местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.